CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Дзапарова Е. Б. Личность автора и личность переводчика : столкновение позиций и творческий синтез / Е. Б. Дзапарова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 70—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88.

Dzaparova, E. B. (2024). Author's Identity and Translator's Identity: A Clash of Positions and Creative Synthesis. *Nauchnyi dialog, 13* (7): 70-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Личность автора и личность переводчика: столкновение позиций и творческий синтез

Дзапарова Елизавета Борисовна
orcid.org/0000-0002-1388-0268
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
l-dzaparova@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и
социальных исследований
им. В. И. Абаева — филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

Author's Identity and Translator's Identity: A Clash of Positions and Creative Synthesis

Elizaveta B. Dzaparova
orcid.org/0000-0002-1388-0268
PhD of Philology,
senior research scientist
l-dzaparova@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and
Social Studies — the Filial
of the Vladikavkaz Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

© Дзапарова Е. Б., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам художественного перевода. Оцениваются возможности взаимного сотрудничества автора и переводчика или возникновения конфликта между ними. Проанализированы разные виды художественного перевода. Отмечается, что в традиционном переводе творческая индивидуальность переводчика проявляется там, где устраняется личность автора и больше отражается собственный опыт переводчика. Подобный подход приводит к неизбежным отклонениям в переводе, к расхождению мировоззренческих установок, к столкновению двух идиолектов. В произведении, созданном совместно автором оригинала и переводчиком, учитывается лингвокультурная специфика акторов перевода, в том числе и реципиента как полноправного участника межкультурной коммуникации. В автопереводе столкновение двух мышлений автора и переводчика неизбежно в том случае, когда отраженные в разноязычных текстах социально-культурные реальности не совпадают. Фактически создается аутентичный текст со своим историко-культурным, литературным контекстом. Создатель текста думает в разных языковых и культурных плоскостях, стремится создать полноценное произведение на другом языке, вследствие чего трансформации подвергается не только сюжетно-композиционная структура подлинника, жанровые особенности, но и утрачивается самобытность художественного стиля писателя.

Ключевые слова:
художественный перевод; языковая личность переводчика; межъязыковая коммуникация; идиолект.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issues of artistic translation. It evaluates the potential for mutual collaboration between the author and the translator, as well as the conflicts that may arise between them. Various types of artistic translation are analyzed. It is noted that in traditional translation, the creative individuality of the translator is manifested where the author's identity is diminished, resulting in a greater reflection of the translator's own experiences. This approach inevitably leads to deviations in translation, discrepancies in worldview orientations, and clashes between two idiolects. In works co-created by the original author and the translator, the linguistic and cultural specifics of the translation actors are taken into account, including the recipient as a full-fledged participant in intercultural communication. In self-translation, the clash of the author's and translator's mindsets is unavoidable when the socio-cultural realities reflected in the texts of different languages do not align. An authentic text emerges with its own historical, cultural, and literary context. The creator of the text thinks across different linguistic and cultural dimensions, striving to produce a complete work in another language, which consequently transforms not only the plot-compositional structure of the original but also its genre characteristics, ultimately leading to a loss of the writer's unique artistic style.

Key words:
artistic translation; translator's linguistic identity; interlingual communication; idiolect.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.221.18.032+81’255.2
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Личность автора и личность переводчика: столкновение позиций и творческий синтез

© Дзапарова Е. Б., 2024

1. Введение = Introduction

Художественный перевод по праву считается наиболее сложным видом межкультурной коммуникации, поскольку текст на переводящем языке (ПЯ) не только отражает окружающую действительность через смыслы и образы, но и запечатлевает творческую манеру — идиостиль своего создателя, вместе с тем раскрывая личность самого переводчика. Художественный перевод как процесс есть акт речевой коммуникации двух творческих личностей: автора и переводчика. При их взаимодействии в процессе перевода непременно сталкиваются этнические, психологические, временные и другие факторы, обнаруживается несовпадение лингвокультур.

Вопрос о языковой личности [Караулов, 1987] переводчика является актуальным в поле зрения современного переводоведения [Романова, 2015; Шевченко, 2005]. Вопросы о роли личности переводчика и ее влиянии на переводной текст (ПТ), о мере проявления индивидуальности переводчика входят в круг задач многих исследователей в области когнитивной лингвистики. Учеными, в частности, исследуется мера проявления личности переводчика в его национально-культурных особенностях [Осипова, 2013], в стратегиях перевода [Волкова, 2012], субъект переводческой коммуникации рассматривается как «дискурсивная личность… обладающая широким набором компетенций» [Новикова, 2017, с. 99]. В ряде работ поднимается проблема языковой личности переводчика как отражение антропоцентрического подхода в переводоведении [Иванова (Шелингер), 2017; Кушнина, 2016].

Цель нашего исследования — рассмотреть факторы, влияющие на отражение позиции автора и переводчика в художественном переводе (их степень проявления), особенности взаимодействия (или столкновения) в художественном переводе двух языковых личностей, вовлеченных в переводческий процесс.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании впервые на материале переводной осетинской литературы рассматривается степень проявления в разных видах художественного перевода личности автора и переводчика, поднимается вопрос о влиянии роли личности переводчика на конечный результат переводческой деятельности — текст, на его прагматическую адекватность. В статье используются описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-семиотический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проявление личностей автора и переводчика при переводе художественного текста

Передача текста транслятором из одной языковой системы в другую охватывает следующие этапы: выбор текста → предпереводческий анализ (знакомство с текстом, изучение и постижение, восприятие и осмысление, анализ, выбор схемы и тактики перевода) → процесс перевода (интерпретация текста на языке перевода) → ввод текста в культуру другого народа [Сокаева и др., 2023, с. 104]. Личность переводчика проявляется на различных уровнях коммуникации: от выбора переводимого текста до его порождения на ПЯ. Переводчик, выступая медиатором между исходной и переводящей культурами, стремится к естественному транспонированию текста в новое языковое пространство. Передача интенций автора — основа мотиваций переводчика. Ориентация на личность автора подразумевает невербальное общение переводчика с автором. И от способности переводчика вжиться в образ автора, понять и воспроизвести его этические и эстетические взгляды зависит совместимость и сотрудничество участников двуязычной коммуникации либо конфликт между ними. Как указывают В. В. Сдобников и О. В. Петрова, чтобы перевод стал сотрудничеством, транслятору текста необходимы глубокие знания творчества писателя, его биографии, знакомство с литературной критикой об исходном тексте, историей его создания, а также он должен исходить из собственных впечатлений. Только при таком подходе, — заключают авторы, — возможны перевоплощение переводчика в эстетическую систему писателя и создание полноценного (адекватного. — *Е. Д.*) перевода [Сдобников и др., 2008, с. 410].

При этом переводчик сталкивается с дилеммой: ориентироваться на автора и текст оригинала либо на текст перевода и менталитет реципиента. Подчиниться творческому мышлению автора или проявить свой творческий потенциал? Выбор инварианта перевода становится решающим для переводчика.

CC BY

Декодирование исходной информации на язык перевода предусматривает владение языками, вовлеченными в переводческий процесс. Но и уровень знания языков, с которого осуществляется перевод и на который переводится текст, еще не гарантирует создание полноценного художественного текста. Так как в переводческом процессе участвуют не только разные языки, но и культуры, то мы считаем допустимым говорить о «билингвистичности» и «бикультурности» перевода. Большие ограничения на качество перевода и возможности переводчика накладывает незнание им языка оригинала, отсутствие у него фоновых знаний о культуре носителя исходного языка. Как показывает практика перевода, редки случаи, когда переводчик бывает двуязычным, «чистым» билингвом. Незнание языка оригинала ограничивает переводчика и в правильном осмыслении запечатленных в нем интенций автора, в способности вжиться в ткань переводимого произведения, влияет и на выбор стратегий перевода. Недостаточно точно понятая авторская концепция может наложить отпечаток вольности на текст перевода. Переводчик навязывает реципиенту свое эстетическое видение оригинала, где индивидуальность переводчика превалирует над авторской или попросту может с ней не совпадать.

Более сложный вид переводческой коммуникации формируется при условии, когда переводчик сам писатель. Особенно ярко проявляется индивидуальность, самобытность у переводчика, обладающего художественным талантом. Используя свой творческий потенциал, переводчик может либо создать текст, близкий к эстетической системе автора, полностью переключившись на его манеру, копируя стиль, либо создать свое произведение по мотивам оригинала. При подобной демонстрации переводчиком собственного литературного «я» столкновение его мировоззрения с мироощущением создателя оригинала неизбежно, а художественная картина мира, отраженная автором в произведении, бывает подменена другой системой представлений об окружающем мире. Талантливый писатель может быть посредственным переводчиком. И наоборот, слабые произведения, благодаря мастерству переводчика, обретают высокохудожественный уровень. Нередко текст в переводе становится настолько независимым от оригинала, что узнать в нем подлинник невозможно. Художественно воплощенная в литературном произведении авторская концепция действительности, ограниченная субъективным пониманием и отражением, интерпретируется на языке перевода близкой к оригинальному творчеству самого писателя-переводчика идейно-художественной концепцией. Поэтому для расшифровки смыслового кода ПТ нередко приходится обращаться к его оригинальным текстам.

CC BY

3.2. Художественный перевод как отражение собственной картины мира поэта-переводчика

Осетинскую поэзию в 1950—80-х годах переводили известные русские поэты, профессиональные переводчики, демонстрировали всесоюзному читателю художественный опыт как классиков осетинской литературы, так и молодых авторов. Однако не всегда их переводческий метод позволял объективно отразить позицию автора, глубинный смысл оригинального текста. Поэт-переводчик, становясь соперником автора, навязывал ему собственную творческую манеру, заслонял профиль автора своим переводческим лицом.

Подобное «заслонение» складывалось из-за отсутствия у переводчика ряда профессиональных компетенций, особенно вследствие незнания языка, культуры народа, психологической составляющей его уклада жизни и т. д. Так, по причине отсутствия у большинства переводчиков лингвистической и культурологической эрудиций произведения, например, основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова на русском языке противоречат стилистическим, эстетическим и другим принципам оригинала и в конечном итоге теряют авторское своеобразие. Процесс национального освоения перевода происходит с помощью единиц языка, асимметрично отражающих запечатленную в художественном произведении действительность.

Значительно упрощает работу переводчика, не знающего язык оригинала, наличие подстрочника. Становясь промежуточным звеном, посредником между автором и переводчиком, подстрочник, по мнению Л. Г. Портера, способен «передать смысловые и лексические нюансы оригинала в той мере, в какой переводчик, погруженный в иноязычную культуру и ее язык, способен чувствовать эти нюансы» [Цит. по: Никонова, 2008, с. 180]. В зависимости от использованного типа подстрочника (дословный перевод слов оригинала; комментирующий перевод, облегчающий понимание подлинника, способный запечатлеть стиль, оригинальность автора) результатом работы переводчика становятся художественные тексты, близкие к эстетической системе, языковому сознанию реципиента, тексты, не потерявшие свою инородность (см. переводы Н. Заболоцкого, С. Шервинского). В противном случае перед нами осознанное игнорирование подстрочника (с подробными пояснениями, примечаниями) и создание вольного перевода, близкого к чистой поэзии.

Осетинскую поэзию на русский язык в основном переводили по подстрочникам, созданным специально для дальнейшего перевода текста в другую языковую и эстетическую систему. Однако не всегда подстрочники могли удовлетворять заданным в оригинале лингвистическим и

CC BY

стилистическим нормам языка. При подобной «подаче» оригинала прочувствовать индивидуальный стиль автора невозможно. И здесь уже поэт-переводчик «фактически создавал самостоятельное произведение на основе подстрочника» [Тарасова, 2017, с. 87]. Становится очевидным, что адекватность ПТ зависит и от компетентности автора подстрочника. Так, качество подстрочников, с которых А. Ахматова осуществляла переводы осетинской поэзии, не позволяло отразить лексические особенности языка. Подстрочники не отличались точностью, не были снабжены подробной исторической справкой, транскрипцией, вследствие чего ей не раз приходилось «дорабатывать уже опубликованный перевод на основе нового подстрочника» [Найфонова, 2014, с. 69—70].

Переводчик, создающий на иноязычном материале иную версию исходного текста (ИТ), — соучастник процесса, при котором продуцируется вторичный текст, а следовательно, он становится соавтором. Исследовательский опыт в области художественного перевода осетинской литературы на русский язык позволяет нам привести несколько примеров, в которых имплицитно или эксплицитно больше проявляется творческая позиция переводчика, нежели автора. В процессе создания смысла и его декодирования на другом языке роль переводчика амбивалентна: он не только медиатор, посредник, но и полноправный участник коммуникации: автор = переводчик → читатель.

Стратегии поэта и переводчика совмещались в творчестве В. Т. Шаламова. Талантливый поэт и не менее талантливый прозаик свою творческую энергию в 1950-х — начале 1970-х годов направлял и на художественный перевод, главным образом с языков национальных республик. Отлученный от оригинальной литературы за «антисоветскую пропаганду», Шаламов мог открыто выражать свой жизненный и литературный опыт только в переводе.

При переводе осетинских поэтов наблюдается намеренное изменение Шаламовым авторского стиля. Вместе с тем в некоторых переводах смещаются смысловые доминанты текста в плоскость оригинального творчества поэта. Примером может послужить перевод стихотворения Б. Муртазова «Окрыленный Осетией», в котором выражается идея возвращения к поэзии после застоя. Тема, близкая для переводчика, находит воплощение на русском языке в новых для автора оригинала смыслах. Ср.:

Мæ зарджытæ дæ бæхтыл
Куы нæ уадзой сæ дугъ,
Мæ зæрдæйы дæ хæхтæ
Куы нæ хæссон æдзух [Муртазов, 1961, с. 4].

CC BY

Мои песни на твоих конях
Если не будут пускаться вскачь,
В моем сердце твои горы
Если не буду носить постоянно (подстрочный перевод наш. — *Е. Д.*).

Не будут кони в песне
На бешеном скаку
Все ярче и прелестней
Вызванивать строку [Муртазов, 1963, с. 68].

В этой строфе обращает на себя внимание развернутая метафора, которую вводит переводчик в последних двух строках: *Не будут кони в песне... вызванивать строку*. В словосочетание *вызванивать строку* (контаминация картины и звука) Шаламов вложил глубокий смысл, символический подтекст. В лексеме *вызванивать* (‘вызывать звоном’ [Даль, т. 1, с. 295], ‘звонить в колокол длительно и отчетливо’ и ‘исполнять ударами в колокола, бубенцы и т. п. что-л. музыкальное’ [Ефремова, 2006, с. 379]) выражена тема колокола, которая часто представлена «в творчестве поэтов, в той или иной мере не принимаемых официальной культурой» [Лассан, 2014, с. 69] (набат в колокол как выражение тревоги, грядущей опасности). В другом стихотворении упомянутого автора «Ялтинские картины» Шаламов заменяет образ Мефистофеля Люцифером. По функциональным признакам подобная трансформация не кажется ошибочной: оба персонажа выступают персонификацией зла. Однако Люцифер, нередко трактуемый в поэзии как отверженный ангел, восставший против Бога (см. [Метц, 2008, с. 58]), у Шаламова «в переводе может восприниматься как страдалец, изгнанник (аналогия с самим поэтом-переводчиком)» [Дзапарова, 2022, с. 198].

Автору оригинальных строк Б. Муртазову не довелось пройти такие же испытания судьбы, какие выпали на долю В. Шаламова, поэтому эти строки на русском языке чужды его жизненному опыту. Стараясь соединить в данных строках две творческие ипостаси — автора (запечатлевая его художественную концепцию) и переводчика, В. Шаламов больше выражает свой личный жизненный опыт и демонстрирует низкую степень адаптивности при отражении художественного метода автора. Авторская индивидуальность Шаламова здесь доминирует над переводческой. Представленный отрывок менее соответствует тексту перевода, а больше — новому оригинальному произведению. Перед нами не сотворчество двух концептуальных систем автора и переводчика на основе перевода, а перевод-подражание, где переводчик проявляет в значительной мере свою творческую индивидуальность. Именно из опасений потенциальной не-

CC BY

компетентности переводчика осетинские поэты нередко отказывались от представления своих произведений русскоязычной аудитории в переводе (например, Г. Плиев, Н. Джусойты, Ш. Джикаев).

3.3. Авторизованный перевод как процесс сотворчества автора и переводчика

Определенной формой сотворчества автора и переводчика является авторизованный / авторизированный перевод. Но речь идет не о переводах, формально утвержденных на заключительном этапе автором ИТ, а переводы, сделанные при относительно равном участии автора и переводчика. Фрагментарное участие переводчика при исключительном участии автора не свидетельствует о равноправном проявлении их коммуникативных установок в одном переводе. Синтез «представителей двух лингвокультурных общностей» [Томахин, 1997, с. 130] с индивидуальным мировосприятием и определенной системой культурных ценностей на основе осетинского и русского языков наблюдается в творчестве прозаиков середины XX века. Авторизация становится особенно популярной в осетинской литературе в форме литературного наставничества по отношению к национальным писателям, сложившегося в советской культурной практике 1930—1950-х годов [Цориева, 2022, с. 56]. Процесс сотворчества двух писателей в художественном переводе содействовал появлению между ними многолетних профессиональных и личностных отношений. Примером сотворчества и впоследствии дружбы могут служить взаимоотношения осетинских литераторов Д. Мамсурова, М. Цагараева, Т. Джатиева с русскими писателями Ю. Либединским, Л. Либединской, Б. Руниным и др. Автор и переводчик в процессе перевода были в постоянном контакте, согласовывали любые изменения, вносимые в текст и замысел автора. Сотрудничество автора и переводчика наблюдалось в выборе переводческого метода (текст больше соответствует адекватному переводу, в котором содержание и форма соответствуют категориям оригинала), межъязыковых преобразований — переводческих трансформаций, минимизирующих расхождения в каждом из уровней ИЯ и ПЯ (фонетический, лексический, грамматический, синтаксический). Проблема передачи национально-культурной специфики осетинских текстов при переводе накладывала ограничения на стратегии переводчика. Понимание и передача интенций автора в плане страноведческой информации нередко требовали дополнительных объяснений и комментирования самого автора, которые позволяли избегать насыщения текста лжереалиями. В случае отсутствия у переводчика при авторизации знаний о системе ценностей той нации, о которой идет речь в произведении, в равнозначном понимании инокультурного контекста решающая роль отводится самому автору. Интеграция на каждом этапе перевода автора и

CC BY

профессионального переводчика (от выбора текста до ввода в иноязычное культурное пространство) дала ряд замечательных произведений осетинской прозы на русском языке. Так, авторизованный перевод романа В. Малиева «Дом Сурме» (см. [Малиты, 1974], [Малиев, 1986]) демонстрирует сохранение доминантных для самого автора смыслов. Речь идет не только о передаче содержания ИТ, отражении в переводе морально-нравственных проблем, поднимаемых в произведении, декодировании лингвистических особенностей, но и о способности ориентироваться на внеязыковую, фоновую информацию. Переводчик А. Вольнов продемонстрировал способность вжиться в мироощущение писателя, вникнуть в авторскую эстетику и систему его этических взглядов. Опираясь на авторскую концепцию, переводчик пересоздает национальную картину мира, запечатленную в романе, в которой главенствующее место отводится женщине — хранительнице «деревенского мира», выступающей своего рода оберегом фарна, благодати своего села. Таким образом, адекватное постижение переводчиком художественной действительности, запечатленной автором в произведении, способствует рациональному формированию в сознании реципиента национальной картины мира этноса.

3.4. Соперничество и сотрудничество субъекта повествования в авторском переводе

Феномен авторского перевода в осетинской литературе позволяет рассматривать обозначенную проблему и в этом виде перевода. Как быть, когда автор и переводчик одно лицо? Соперничает ли переводчик с автором (с самим собой) при абсолютном равноправии ролей? Или роль переводчика и здесь вторична? Должен ли автор-переводчик быть биполярным, размышлять как автор и как переводчик? Наличие у автора-переводчика компетенций — знание языков, культур — заставляет его все равно думать в разных мыслительных плоскостях, так как доминирующей компетенцией является ориентация на реципиента, в частности на «систему образов, на менталитет представителей иной культуры» [Сдобников и др., 2008, с. 402].

Мнение исследователей о двух полноценных вариантах, имеющих равный статус по отношению к самому произведению, а не о его двух копиях, находит выражение в авторском переводе (В. Н. Базылев, Н. М. Нестерова). Но только абсолютное двуязычие субъекта повествования / субъекта переводческой деятельности, равное владение двумя языками на высоком уровне позволяет ему воспроизвести свою индивидуальную форму видения мира на материале другого языка. О равнозначности ролей автора и самопереводчика в процессе создания текста (оригинала и перевода) высказывался писатель и критик, автор переводов собственных произведений Т. Бесаев: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет за-

CC BY

ново, заново переживает ситуацию и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения» [Бесаев, д. 28, л. 21]. Недооценка им межкультурных различий чревата тем, что текст в переводе не воспринимается той средой, для которой предназначен. Насыщение страноведческой информацией или, наоборот, игнорирование законов построения текста, господствующих в иноязычной литературе, способствует формированию совершенно иных впечатлений от произведения, иных ассоциаций в другой этнокультурной среде. И здесь возникает оппозиция автор ↔ самопереводчик.

Склад мышления создателя первичного и вторичного текстов все равно разграничивает в сознании языки на родной и приобретенный. Как правило, первоначально произведение создается на родном, а затем переводится автором на язык приобретенный. При создании самоперевода автор меняет язык произведения (ориентируется на лексическую, синтаксическую, фразеологическую системы языка перевода), но сохраняет «культурно-исторический фон» той действительности, которая единожды была воспроизведена в оригинале, «опираясь на прошлый опыт, связанный с пребыванием в старой (родной) среде, и опыт, полученный в новой культурной среде» [Хованская и др., 2014, с. 1308]. Поэтому сохранение национального колорита актуализируется в переводных произведениях, наиболее близких к народной тематике.

При традиционном переводе транслятор выполняет, как известно, ряд дополнительных опций. Перевод ИТ в другую языковую систему начинается с декодирования оригинала — с понимания его смысла, информации о народе, его языке и культуре. Только после постижения смысла ИТ происходит кодирование — порождение текста на языке перевода.

В авторском переводе, казалось бы, субъективный фактор отсутствует, у переводчика нет необходимости тратить время на понимание текста, определение индивидуального стиля автора, но границы субъективности нередко проявляются в другом. Контаминация в самопереводе в одном лице автора и переводчика не гарантирует создание равноценного оригиналу перевода. Степень эквивалентности нарушается чаще всего в передаче национального колорита в случае, когда ориентация на принимающую культуру является доминирующей и переводчик пытается акцентировать внимание на экзотике текста или подчеркивает его чужеродность для исходной культуры. Риска межкультурной интерполяции не избежать. С другой стороны, нередки переводы, в которых автор пытается сказать недосказанное в оригинале. Например, пытается усовершенствовать ранее написанный текст: дописывает или убирает некоторые отрывки, меняет смысл,

CC BY

начиная с заглавия. При подобном подходе текст будет и восприниматься по-иному. Мысль Е. Г. Эткинда о рациональности перевода собственных произведений, «…потому что доверить текст другому человеку — все равно, что отдать часть своего тела, часть своей крови кому-то, кто этим будет распоряжаться по своему разумению» [Эткинд, 2004, с. 596], не всегда находит свою реализацию на практике. Проблема адекватности актуальна не только для традиционного перевода, но и для авторского. Чрезмерная вольность способствует позиционированию разноязычных текстов уже в противоположных художественно-эстетических плоскостях как полноценные явления родной и принимающей культурной традиции.

Соперничество автора и переводчика в рамках автоперевода имеет место там, где создатель текста, как бы соревнуясь с самим собой, пытается полностью перевоплотиться, абстрагироваться от первоначального варианта и создает новое произведение в другой языковой и культурной среде, воплощает не реализованный прежде замысел. В том же случае, когда в переводе над ним доминирует собственное авторское лицо, он с точностью воспроизводит лингвистические, синтаксические и др. особенности ИЯ, но остается в рамках чужой для реципиента культуры. Адаптация особенностей ПЯ, законов построения произведения и при этом избегание подмены своего колорита чужим — наиболее оптимальный вариант при создании художественного текста в переводе.

В осетинской литературе существуют примеры сюжетно-композиционной адаптации в авторском переводе. Так, в русскоязычном варианте романа «Адæймаджы мæлæт» Н. Джусойты убирает отрывки, насыщенные культурно-маркированной лексикой и дающие читателю понимание о духовной обрядности осетин, в переводе также отсутствуют заключительные строчки повести — рассуждения автора и цитаты о смысле жизни, о месте человека на земле, о судьбе каждого человека — составляющие лейтмотив всего произведения (см. [Нафи, 1976; Джусойты, 1981]). И наоборот, в переводе Н. Джусойты дополняет ПТ новой информацией (например, приводит притчу о знании смертного часа, добавляет главы о радио), меняет местами сюжетные линии. Принцип адекватности нарушен в заглавии повести. Исходное название повести «Адæймаджы мæлæт» (досл. «Смерть человека») в переводе интерпретируется как «Возвращение Урузмага». В произведении тема смерти является стержневой. Она заключена и в заглавии осетиноязычного текста. По мнению И. В. Мамиевой, уже в названии автор помещает мысль об извечной борьбе человека со смертью, в конечном счете отражая его духовную победу [Мамиева, 2019, с. 235]. Меняя заглавие произведения, переводчик реализует иную авторскую концепцию, закладывает в его русскоязычный вариант глубокий смысл. Речь

CC BY

идет не только о возвращении героя к истокам и к своим корням, к родным местам. Н. Джусойты «еще раз хотел подчеркнуть, что такие люди, как Урузмаг, не умирают, а возвращаются и живут в человеческой памяти вечно» [Дзапарова, 2012, с. 66]. Так, в образе главного героя Урузмага писатель воплотил человека, несущего людям благо, оставляя добрую память о себе и после смерти. «Прощаясь с жизнью, — пишет Н. Высоцкая, — он не сжигает мостов, а как бы прокладывает их в будущее» [Высоцкая, 1978]. Размышляет над заглавием повести Н. Джусойты и А. Х. Газдарова, трактуя смысл понятий «возвращение» и «уход»: «Повесть учит человека жить красиво и умереть с честью. Автор поступил правильно, что про Урузмага сказал “ушел”. То же самое сказал Распутин о своей старухе Анне в повести “Последний срок”. Такие люди, как Урузмаг и Анна, не умирают. Они своими душевными качествами, человеческими свойствами становятся бессмертными. И Урузмаг “уходом” своим начал вторую часть своей жизни» [Газдарова, 2002, с. 133] — уже в памяти людей.

Двойственная природа переводчика проявляется и при передаче лексических единиц с ярко выраженной национальной спецификой, в переводе идиом эквивалентами, близкими к принимающей культуре. При столкновении двух языковых систем приоритетным для переводчика местами становится русский язык, менталитет носителя языка принимающего. Поэтому Джусойты вводит в текст, например, фразеомы с тождественными принимающему языку или близкими образами и значениями: *показывать зубы, над душой смерть стоит, всегда себе на уме, тянуть свою лямку, солдат свое дело сделал, кто с зарей встает, того удача ждет!, от добра добра не ищут* и т. д. Однако подобное не наблюдается при передаче безэквивалентной лексики — слов, называющих предметы быта, социально-исторические и культурные объекты, принадлежащие носителю ИЯ и чуждые другому народу. Автор / переводчик избегает насыщения текста культурно-маркированной лексикой ПЯ даже там, где можно было подобрать аналог по функциональному признаку, или использует описательный перевод — объясняет реципиенту значение той или иной реалии при помощи трансформированного соответствующим образом контекста: *уайсадын — сноха, по обычаю, не могла говорить со свекром; чындзхæсджытæ — гости из рода жениха* (существует аналог *поезжане*) и т. д.

Содержательно-формальные расхождения с оригиналом наблюдаются в авторском переводе повести Т. Джатиева «Мои седые кудри». Автор-переводчик на русском языке пытается воплотить не реализованные в оригинале идеи. Поэтому перевод ИТ сопровождается не только его порождением в новой лингвокультурной среде, но и параллельной актуализацией на русском языке информации, связанной с имеющимися у самопереводчика

CC BY

фоновыми знаниями. Т. Джатиев дописывает отсутствующие в оригинале три главы — знакомит реципиента со свадебной традицией осетин. Авторство также позволило сократить некоторые эпизоды.

Таким образом, представленные примеры из осетинской литературы демонстрируют смену в рамках автоперевода исходной художественной концепции. Самопереводчик, словно соревнуясь с самим собой, пытается заложить в ПТ дополнительный смысл, что придает ему в некоторых фрагментах статус самостоятельного произведения, независимого от оригинала. С другой стороны, переводчики с родного языка на язык приобретенный «склоняются к языку-рецептору» [Nida, 1975, с. 97] — местами заменяют ФЕ, реалии инокультурными понятиями. Порождение новых смыслов необходимо для естественного интегрирования ПТ в новое культурное пространство.

4. Заключение = Conclusions

Итак, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Художественный перевод предоставляет переводчику возможность реализовать на своем языке сходную иллокуцию автора. Для этого он становится солидарен с автором в оригинальной трактовке идей, концептов и старается воспроизвести их равноценными лингвистическими, синтаксическими средствами ПЯ. Подобный текст будет равнозначен исходному и по своему прагматическому потенциалу. Перлокутивный эффект достигается при адекватном воспроизведении в переводе лингвокультурного кода оригинального текста.

2. Столкновение творческих позиций автора и переводчика в традиционном художественном переводе наблюдается в случае реализации на этапе создания переводчиком текста на ПЯ собственной художественной концепции. В процессе межкультурной коммуникации личность переводчика доминирует над авторской. Текст перевода, создаваемый талантливым писателем, демонстрирует своеобразие индивидуального стиля переводчика, а не автора. Взяв за основу идею оригинала, он создает новое произведение по законам той литературной традиции, для которой создается текст. Интерпретировать подобные художественные произведения, на наш взгляд, необходимо в рамках индивидуального творчества писателя / поэта и той национальной литературы, на языке которой они вновь создаются.

3. Сотворчество автора и переводчика в авторизованном переводе осуществляется на каждом этапе перевода. Роли участников в межъязыковой коммуникации распределены по принципу активен ↔ пассивен. На этапе знакомства с текстом, его изучения и осмысления позиция автора более активна. Автор активизирует в сознании переводчика исходные концепты-понятия, не-

CC BY

обходимые фоновые знания, объясняет заложенный в оригинале смысловой код. Роль переводчика активна на этапе выбора переводческих стратегий и непосредственно в процессе интерпретации текста на языке перевода. Подобный творческий тандем автора и переводчика позволяет точно определить переводческие доминанты и воспроизвести инвариант в переводе.

4. Целостность сознания писателя-билингва не предотвращает от столкновения двух художественных картин мира в авторском переводе. Автор, зная все тонкости оригинала, с одной стороны, способен избежать субъективизма в переводе. С другой — намеренно отказывается от создания копии оригинала и старается реализовать в переводе не реализованную ранее идею. Автоперевод обретает промежуточный статус между художественным переводом и текстом оригинала, так как разрушает в сознании автора-переводчика языковые и культурные преграды, что позволяет ему создать полноценный текст и на другом языке.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бесаев Т.* Статьи и черновые наброски по вопросу об авторском переводе / Т. Бесаев // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Отдел «Литературоведение». Ф. 58. Оп. 1. Д. 28.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург ; Москва : Типография М. О. Вольфа, 1880. — Т. 1 : А–З. — 723 с.

3. *Джусойты Н. Г.* Возвращение Урузмага. Повесть. С осетинского перевел автор / Н. Г. Джусойты // Реки вспять не текут. Повести. — Москва : Советский писатель, 1981. — С. 3—139.

4. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Астрель, 2006. — Т. 1 : А–Л. — 1165 с. — ISBN 5170295219.

5. *Малиев В. Г.* Дом Сурме: роман / авторизованный перевод с осетинского А. Вольного / В. Г. Малиев. — Орджоникидзе : Ир, 1986. — 288 с.

6. *Малиты В. Г.* Дом Сурме. Роман / В. Г. Малиев. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — 358 с. (на осет. языке).

7. *Муртазов Б.* Земные дороги : стихи ; пер. с осет. / Б. А. Муртазов. — Москва : Советский писатель, 1963. — 87 с.

8. *Муртазов Б.* Осетия окрыленная : стихи / Б. А. Муртазов. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. — 126 с. (на осет. яз.).

9. *Нафи.* Смерть человека (Повести) / Нафи. — Цхинвал : Иристон, 1976. — 300 с. (на осет. языке).

Литература

1. *Волкова Т. А.* Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика / Т. А. Волкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2012. — № 6. — С. 192—209.

2. *Высоцкая Н.* Выйти за предел / Н. Высоцкая // Литературная газета. — 1978. — № 32. — С. 3—14.

3. *Газдарова А. Х.* История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты / А. Х. Газдарова. — Владикавказ : Ир, 2002. — 140 с. — ISBN 5-7534-0903-2.

4. *Дзапарова Е. Б.* Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе / Е. Б. Дзапарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 5 (16). — С. 65—69.

5. *Дзапарова Е. Б.* Варлам Шаламов — переводчик Бориса Муртазова / Е. Б. Дзапарова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 79. — С. 190—207. — DOI: 10.17223/19986645/79/10.

6. *Иванова (Шелингер) Т. Н.* Антропоцентрическая парадигма в переводческом аспекте / Т. Н. Иванова (Шелингер) // STUDIA LINGUISTICA. — 2017. — № 26. — С. 209—217.

7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.

8. *Кушнина Л. В.* Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм / Л. В. Кушнина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2016. — № 4. — С. 75—85.

9. *Лассан Э.* Колокол как политический символ русской культуры (на материале русского поэтического дискурса) / Э. Лассан // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 62—71.

10. *Мамиева И. В.* Художественный мир Нафи Джусойты в контексте духовно-нравственных исканий осетинской культуры середины XX — начала XXI вв. / И. В. Мамиева // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева. — 2019. — № 42. — С. 223—259.

11. *Метц Э.* Прометей и Люцифер в творчестве Константина Бальмонта / Э. Метц // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2008. — Т. 67. — № 2. — С. 53—59.

12. *Найфонова Ф. Т.* Анна Ахматова — переводы из осетинской поэзии / Ф. Т. Найфонова // Известия СОИГСИ. — 2014. — Выпуск 11 (50). — С. 67—74.

13. *Никонова Н. Е.* Подстрочник поэтического текста : история, типология и роль в межкультурной коммуникации / Н. Е. Никонова // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 179—189.

14. *Новикова Э. Ю.* Дискурсивная личность переводчика : переводческие компетенции и ролевой портрет / Э. Ю. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 90—102. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9.

15. *Осипова И. С.* Национально-культурные особенности языковой личности переводчика / И. С. Осипова // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. — 2013. — № 1. — С. 82—87.

16. *Романова М. С.* А. А. Тарковский как языковая личность : способы репрезентации в поэтическом тексте : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Марина Сергеевна Романова. — Махачкала, 2015. — 22 с.

17. *Сдобников В. В.* Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. — Москва — Владимир : АСТ, 2008. — 448 с. — ISBN 978-5-17-037815-9.

18. *Сокаева Д. В.* Осетинская историко-героическая песня о куртатинцах : генезис, перевод, исполнение / Д. В. Сокаева, Е. Б. Дзапарова, Дз. М. Дзлиева // Известия СОИГСИ. — 2023. — Выпуск 47 (86). — С. 99—113. — DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001.

19. *Тарасова М. А.* О двойственности роли переводчика поэзии и о разделении ролей / М. А. Тарасова // Слово.ру: балтийский акцент. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 81—90. — DOI: 10.5922/2225-5346-2017-4-7.

20. *Томахин Г. Д.* Перевод как межкультурная коммуникация / Г. Д. Томахин // Перевод и коммуникация. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1997. — С. 129—137.

21. *Хованская Е. С.* Авторский перевод. Причины обращения / Е. С. Хованская, О. В. Праченко // Научный журнал КубГАУ. — 2014. — № 99 (05). — С. 1304—1314.

22. *Цориева И. Т.* Литературное наставничество в советской культурной практике : Ю. Н. Либединский и осетинские писатели / И. Т. Цориева // Известия СОИГСИ. — 2022. — Выпуск 43 (83). — С. 56—69. — DOI: 10.46698/VNC.2022.82.43.005.

23. *Шевченко О. Н.* Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ольга Николаевна Шевченко. — Волгоград, 2005. — 255 с.

24. *Эткинд Е.* Здесь и там / Е. Г. Эткинд. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 637 с. — ISBN 5-7331-0282-9.

25. *Nida E. A.* Language structure and translation / E. A. Nida. — Stanford : Calif, 1975. — 230 p.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024,
одобрена после рецензирования 28.08.2024,
подготовлена к публикации 15.09.2024.

Material resources

Besaev, T. Articles and rough sketches on the issue of author's translation. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (ON SOIGSI). Department of "Literary Studies". F. 58. Op. 1. D. 28.* (In Russ.).

Dahl, V. I. (1880). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 1: A–Z.* St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf Printing House. 723 p. (In Russ.).

Dzhusoity, N. G. (1981). The return of Uruzmag. The story. Translated from Ossetian by the author. In: *Rivers do not flow backwards. The story.* Moscow: Soviet Writer. 3—139. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes, 1: A–L.* Moscow: Astre. 1165 p. ISBN 5170295219. (In Russ.).

Maliev, V. G. (1986). *House of Surme: a novel.* Ordzhonikidze: Ir. 288 p. (In Russ.).

Mality, V. G. (1974). *Surme House. Roman.* Ordzhonikidze: Ir. 358 p. (In Osset.).

Murtazov, B. (1963). *Earthly roads: poems.* Moscow: Soviet Writer. 87 p. (In Russ.).

Murtazov, B. (1961). *Ossetia inspired: poems.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 126 p. (In Russ.).

Nafi. (1976). *The Death of a Man (Novella).* Tskhinval: Iriston. 300 p. (In Osset.).

References

Dzaparova, E. B. (2012). Self-translation as a type of literary translation in Ossetian literature. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 5 (16):* 65—69. (In Russ.).

Dzaparova, E. B. (2022). Varlam Shalamov — translator of Boris Murtazov. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 79:* 190—207. DOI: 10.17223/19986645/79/10. (In Russ.).

Etkind, E. (2004). *Here and there.* St. Petersburg: Academic Project. 637 p. ISBN 5-7331-0282-9. (In Russ.).

Gazdarova, A. H. (2002). *History and modernity in the artistic interpretation of Nafi Dzhusoity.* Vladikavkaz: Ir. 140 p. ISBN 5-7534-0903-2. (In Russ.).

Ivanova (Schelinger), T. N. (2017). The Anthropocentric paradigm in the translation aspect. *STUDIA LINGUISTICA, 26:* 209—217. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: Nauka. 261 p. (In Russ.).

Khovanskaya, E. S., Prachenko, O. V. (2014). Author's translation. Reasons for the appeal. *Scientific journal of KubGAU, 99 (05):* 1304—1314. (In Russ.).

Kushnina, L. V. (2016). The linguistic personality of the translator in the light of modern scientific paradigms. *Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy, 4:* 75—85. (In Russ.).

Lassan, E. (2014). The Bell as a political symbol of Russian culture (based on the material of Russian poetic discourse). *Political linguistics, 2 (48):* 62—71. (In Russ.).

Mamieva, I. V. (2019). The artistic world of Nafi Dzhusoity in the context of the spiritual and moral quest of the Ossetian culture of the mid-twentieth — early twenty-first centuries. *Proceedings of the Z. N. Vaneev South Ossetian Scientific Research Institute, 42:* 223—259. (In Russ.).

Metz, E. (2008). Prometheus and Lucifer in the works of Konstantin Balmont. *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language, 67 (2):* 53—59. (In Russ.).

Naifonova, F. T. (2014). Anna Akhmatova — translations from Ossetian poetry. *Izvestiya SOIGSI, 11 (50):* 67—74. (In Russ.).

Nida, E. A. (1975). *Language structure and translation.* Stanford: Calif. 230 p.

Nikonova, N. E. (2008). The substring of a poetic text: history, typology and role in intercultural communication. *Siberian Philological Journal, 1:* 179—189. (In Russ.).

Novikova, E. Y. (2017). The discursive personality of the translator: translation competencies and role portrait. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics, 16 (3):* 90—102. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9. (In Russ.).

Osipova, I. S. (2013). National and cultural peculiarities of the translator's linguistic personality. *Current problems and prospects for the development of modern psychology, 1:* 82—87. (In Russ.).

Romanova, M. S. (2015). A. *A. Tarkovsky as a linguistic personality: ways of representation in a poetic text.* Author's abstract of PhD Diss. Makhachkala. 22 p. (In Russ.).

Sdobnikov, V. V., Petrova, O. V. (2008). *Theory of translation.* Moscow — Vladimir: AST. 448 p. ISBN 978-5-17-037815-9. (In Russ.).

Shevchenko, O. N. (2005). *The linguistic personality of the translator (based on the material of B. V. Zahoder's discourse).* PhD Diss. Volgograd. 255 p. (In Russ.).

Sokaeva, D. V., Dzaparova, E. B., Dzlieva, D. M. (2023). Ossetian historical and heroic song about the Kurtatians: genesis, translation, performance. *Izvestiya SOIGSI, 47 (86):* 99—113. DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001. (In Russ.).

Tarasova, M. A. (2017). On the duality of the role of the translator of poetry and on the division of roles. *Word.<url>: Baltic accent, 8 (4):* 81—90. DOI: 10.5922/2225-5346-2017-4-7. (In Russ.).

Tomakhin, G. D. (1997). Translation as intercultural communication. In: *Translation and communication.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 129—137. (In Russ.).

Tsorieva, I. T. (2022). Literary mentoring in Soviet cultural practice: Y. N. Libedinsky and Ossetian writers. *Izvestiya SOIGSI, 43 (83):* 56—69. DOI: 10.46698/VNC.2022.82.43.005. (In Russ.).

Volkova, T. A. (2012). Translation strategy as a parameter for studying the translator's linguistic personality. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 6:* 192—209. (In Russ.).

Vysotskaya, N. (1978). Go beyond the limit. Literaturnaya gazeta, 32: 3—14. (In Russ.).

The article was submitted 20.04.2024;
approved after reviewing 28.08.2024;
accepted for publication 15.09.2024.